

ЮЛИЯ
РЕЗНИК

ОТ ЗЕМЛИ
ДО РАЯ

Юлия Резник
От земли до рая
Серия «Гейманы», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67304432

Аннотация

«От земли до рая» – роман Юлии Резник, жанр современный любовный роман, эротический роман.

Ян Гейман казался мне небожителем. Ведь кто я? Так, дочь экономки. А он... Мне казалось, он – все. Выше, больше... ничего нет. И никого. Существовал лишь один шанс заинтересовать такого мужчину – самой подняться высоко-высоко. Эта история – мой путь. Мой тернистый путь от земли до рая.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Юлия Резник

От земли до рая

Глава 1

Он шел, и, кажется, все вокруг него замирало. Даже лопасти вертолета, все еще вращающиеся над головами, будто замедлялись, наполняя пространство протяжным «вжуу-ух, вжу-у-ух, вжу-у-ух». Этот звук со скрежетом прокатывался по моим натянутым нервам. Я сглотнула. Перевела взгляд на собственные пальцы. Ослепленная. То ли яркими, искрящимися на бирюзовой поверхности океана лучами уходящего солнца, то ли им... Как всегда, им.

– Ну, все, наше дело – труба, – тяжело вздохнула Соня. Вместо того чтобы испугаться или как-то напрячься, что вроде как само собой разумелось в сложившейся ситуации, подруга лениво потянулась в шезлонге и скрестила в щиколотках загоревшие дочерна ноги. – Льюис, – перешла на английский, – нам бы еще по коктейльчику, дорогуша.

Если бы бедняга Льюис стоял поближе, она бы еще и по заднице его шлепнула, чтобы позлить отца. О харассменте Сонька не знала... Хоть и жила в Америке последние четыре года.

– Давай я принесу! – вскочил на ноги Дэвид. Парень, ко-

торый и оказался причиной всех наших неприятностей.

Соня скосила на него ничего не выражающий взгляд и резко бросила:

– Сиди уж!

Как псу. Ей богу. Но с милой улыбкой на идеальном, скульптурно вылепленном лице. Талантом командовать Соня пошла в отца... Красотой – в мать. Ян Гейман... он не был красавцем. Да ему это было и не нужно. Он другим брал. А однажды взяв – никогда от себя не отпускал. Меня так точно. Для меня он с детства был каким-то... чудом, что ли? Чудом, которого мне иногда позволено было коснуться.

Я пожевала губу, убеждая себя смотреть прямо. В конце концов, я в очках, и он... он не увидит, как я на него пялюсь. Ян Львович был уже совсем рядом. Как всегда, застёгнутый на все пуговицы. Едва ли не на голову выше своих охранников. И ничем не уступающий им в комплекции. Помню, как девчонкой я наблюдала за их тренировками в спортзале. Обычно это происходило вечером. Скорее даже ночью, когда Гейман возвращался домой после долгого-долгого рабочего дня. И я, заслышав шум машин его кортежа, сбегала из своей комнаты под чердаком, чтобы, усевшись на самом верху лестницы, понаблюдать за его тренировкой в узкой щели между двумя перекладинами перил. Тогда я не задумывалась, откуда у него брались силы. За всем успевать, все держать на контроле, спать по три – четыре часа, существуя в каком-то ином совершенно мне непонятном темпе.

Он остановился, чтобы снять обувь. Ах да... Яхтенный этикет. Негоже было топтать палубу такой красавицы грязными подошвами пусть и сшитых на заказ по индивидуальным лекалам туфель. Разулся. И, преодолев разделяющие нас метры, резко опустился на свободный шезлонг, с которого Дэвид слетел, едва Гейман повел черной бровью.

– Ян Львович, ну, как на выставке же! – тут же загудел охранник, оглядываясь по сторонам.

– Что со мной случится посреди гребаных Карибов?

– Много чего может...

Но Гейман лишь рукой взмахнул. Он всегда был головной болью охраны. Взять хотя бы этот его приезд. Или прилет, точнее. Наверняка ведь он не значился в его графике передвижений, который утверждался на самом высоком уровне вперед сразу на несколько месяцев.

– Привет, пап.

Я закусила щеку и незаметным, как мне казалось, движением потянула на себя полотенце. Может, у Сони и не было проблем с тем, чтобы расхаживать в купальнике перед кучей мужиков, а вот я была не настолько раскрепощенной.

– Привет, пап? – вздернул бровь Ян Львович. И ничего он такого не сказал. Вроде бы. А я все равно поежилась, и мурашки побежали вниз по голым ногам. – Это все, что ты мне можешь сказать, София?

– Ну, а что тут скажешь? Ошибочка вышла. С кем не бывает.

Ну, вот зачем она нарывалась? Провокаторша! И ладно бы у них отношения не складывались, но ведь это было не так. Сонька отца обожала. А он ее. У них вообще были удивительно теплые отношения, несмотря на всю его занятость и ее заскоки, которые случались с регулярной периодичностью.

– Здравствуйте, Ян Львович, – затараторила я, зная, что если сейчас не вмешаться, взбучки будет не миновать.

Гейман провел пятерней по голове и скосил на меня взгляд янтарных глаз. На его широком запястье блеснул циферблат часов.

– Здравствуй, Лилия.

Я уже не удивлялась, как раньше, тому, что он помнит мое имя. Хотя, признаться, долгое время это мне казалось чем-то невероятным, ведь я... ну, что я? Так, дочь экономки. А он... Он – все. Мне казалось, он – все. Выше, больше... ничего нет. И никого.

– Вы подняли на ноги береговую охрану. Два катера и вертолет искали вашего... – презрительный взгляд Геймана скользнул к бедолаге Дэвиду и обратно, остановившись на Соньке, которая как раз, улыбаясь, забирала бокал из рук Льюиса, – вашего друга. А потом оказалось, что его и близко не было на борту.

– А что, было бы лучше, если бы он таки был и сгинул в морской пучине?

– Не утрируй!

– А ты не нагнетай.

Ой-йой. Я тихонько выдохнула, чувствуя, как немеют плечи и затылок сковывает в предвкушении необратимого взрыва. Впрочем, Сонька и сама поняла, что зашла слишком далеко, потому как вмиг убрала коготки, подплыла к отцу и ласковой кошкой свернулась у него под боком.

– Ну, ты же сам хотел, чтобы мы повеселились, пап. И яхту эту сам предложил.

– Ах, так это я виноват?

– Да никто не виноват. Мы просто немного перебрали в баре. Ну, и Дэвид там... в общем, там и остался. А уже потом мы поняли, что его нет. Когда на яхту вернулись. Ну и в голову, конечно, самое плохое полезло.

Это точно! Меня тогда перетрясло просто жутко. До сих пор страшно вспоминать.

– Мисс? – привлек мое внимание голос Льюиса. – Не желаете коктейль?

– Воды, если можно.

Я протянула руку за бутылкой, полотенце спало. Не то чтобы мне было что скрывать. И от кого. Тот, чье мнение меня волновало, все уже видел. Господи, зачем я об этом вспомнила?

– Ну, что... – жалостливо поинтересовалась Сонька, давя сразу на все болевые точки Геймана, – ты меня теперь весь вечер будешь ругать?

– А что, прикажешь по голове погладить?

– Погладь! – заявила эта лиса и уложила темную головку на колени отца. А он усмехнулся, все про нее понимая, и принялся перебирать, накручивать на длинные пальцы Сонькины локоны.

Знаете, я никогда ей не завидовала. Ни ее игрушкам, ни ее красоте, ни даже тому, что у нее есть вот такой отец, в то время как я своего не знала. Но в тот миг что-то кольнуло внутри. Я почувствовала себя лишней. Привстала. Огляделась, и оказалось, что всех немногочисленных наших друзей, которые еще оставались на яхте Геймана, будто корова языком слизала. Одна я осталась. Нарушая идиллию воссоединения отца и дочери после долгой разлуки. Ну, и охрана, конечно.

Стараясь не смотреть на Яна Львовича, я нащупала свое парео.

– Эй, ты куда?

– Пойду к себе. Мне нужно почту проверить.

– Да брось! Ты смотри, какой закат! Когда ты еще такой увидишь? – возмутилась Сонька.

Очевидно, не скоро. Послезавтра мы вернемся на родину, а там уж будет не до закатов. Беззаботная студенческая жизнь останется в прошлом. А когда исчезнет необходимость оплачивать мою учебу в Стэнфорде, оборвется и последняя связывающая нас с Гейманами нить. Так хоть редкие счета напоминали ему обо мне. По крайней мере, мне нравилось думать, что иногда, глядя на них, Ян Львович вспо-

минал меня. Хотя, конечно, эти мысли были глупостью чистой воды. Гейман никогда не стал бы заниматься лично такими мелочами.

Теперь же меня ожидала совсем другая жизнь. Жизнь, в которой больше не будет яхт, Карибов, охраны и личных водителей. Все это мне перепало с барского стола лишь потому, что мы с Сонькой, считай, как сестры были. Вместе росли, вместе шалили, вместе взрослели и так далее. Но я никогда не забывала, кто она, а кто я. И это хорошо. Это уберегло меня от ненужных метаний и боли. Я четко понимала, что мы живем в двух разных мирах. Параллельных, не пересекающихся измерениях. Судьба и так была ко мне благосклонна. Немногим доводилось хоть краем глаза увидеть такую жизнь. А я имела возможность разглядеть ее во всех деталях. Вы хотя бы представляете, как это жутко интересно наблюдать, иногда даже общаться с людьми масштаба Геймана? Это – школа, которую не купить ни за какие деньги. Школа, которая мне дала, может быть, даже больше, чем Стэнфорд.

Но был в этом всем и один жирный минус. Я перестала воспринимать всерьез мужчин мельче. Ян Львович, наверняка сам того не желая, просто не оставил им шанса. Сколько раз я пыталась, поддаваясь уговорам Соньки, завести отношения? И сколько раз разочаровывалась – такими пресными и... никакими казались мне мои ухажеры.

– Ты останешься? – нарушил ход моих мыслей Сонькин

звнящий голос. – Оставайся, а? Хоть на денек. Завтра сойдем в Новом Орлеане.

– А туда зачем? – лениво приоткрыл один глаз Гейман.

– Зачем-зачем! Ты как будто не знаешь! Лильке приспичило послушать джаз.

– Негритянское пение? – обнажил идеально белые зубы Ян Львович. И у меня дыхание замерло. То ли от улыбки этой голливудской. То ли от понимания того, что он... Он! помнит тот давнишний разговор со мной. Сколько мне было, когда он состоялся? Семь? Восемь? Я выдавила улыбку. Он изогнул бровь. Будто подталкивая меня к тем словам, что я послушно произнесла дальше:

– А что, бывает другое?

Его словам. Которые он сказал мне, когда застучал меня, маленькую, роющуюся в его компакт-дисках. И точно так же, как тогда, мне снова стало неловко. Потому что это он оплачивал мой каприз поехать в Новый Орлеан послушать джаз. Тут уж я и при желании не могла бы соврать, что это меня Сонька вслед за собой потащила.

– Ну, так что? Ты останешься? Давай, па! Лето заканчивается, а ты ни дня еще не отдыхал. Потусишь с нами, потом забуримся на какой-нибудь конц¹, и на самолет. Привет, родина!

Гейман молчал, что-то там прикидывая в уме, работающем лучше многих даже самых мощных компьютеров.

---

¹ Конц – концерт (сленг).

Не знаю, правда это или нет, но Сонька как-то рассказывала, будто он специально тренировал мозг, занимаясь по какой-то секретной методике, позволяющей расширить возможности сознания. Звучало это, конечно, довольно странно, если не сказать – смешно. Да только, глядя на Яна Львовича, верилось и не в такое.

– Ладно. Твоя взяла. Пойду, переоденусь. Моя каюта, надеюсь, свободна?

– Эм... Ну, мы там с Лилькой обитали, но по такому случаю, вестимо, освободим барские хоромы, – Сонька вскочила и дурашливо поклонилась. – Льюис, дорогуша, поручи кому-нибудь перенести наши с Лилей вещи в белую каюту.

Гейман улыбнулся и поднялся вслед за дочерью. Тут же подтянулась охрана. Он кивнул каким-то своим мыслям и, широко шагая, направился к лестнице, ведущей вниз. Но на полпути остановился. Подошел к лежаку, взял что-то, похожее на пузырек с кремом от загара, вернулся и бросил его прямо в меня. Я успела перехватить тюбик буквально в последний момент – настолько неожиданным был его выпад...

– Намажься, – велел он.

Я растерянно обвела себя взглядом, покосилась на разгорающийся все сильнее закат на горизонте и, медленно сглотив, прошептала:

– Солнце уже село.

– Твоей коже даже лунный свет противопоказан, – улыбнулся Ян Львович. Вот только улыбка не коснулась его глаз. –

Так что... намажься, да.

– И правда, Лиль! Смотри, вон, опять вся красная... – затараторила Соня, подходя поближе ко мне и забирая тюбик с кремом из моих рук. А я и слышала ее, и не слышала, провожая напряжённым взглядом широкую спину Геймана. – Ну-ка, повернись!

– Зачем?

– Намажу тебя, горе луковое. Прав папа, ты ж похуже вампира!

– Ну, спасибо, – посчитала нужным обидеться я.

– А что, я не права, скажешь? Даже на них так не действует солнечный свет, клянусь.

– И много ты знаешь вампиров? – Ян Львович, наконец, скрылся из моего вида, и я перевела взгляд на подругу.

– Ни одного! Но ты под подозрением... – захохотала Сонька. Подыгрывая подруге, я навалилась на нее сверху и угрожающе клецнула зубами прямо у нее перед носом. Она завизжала и принялась от меня отбиваться. Парни из охраны синхронно закатили глаза. А солнце, упавшее за горизонт, разукрасило небо и воду всеми оттенками охры...

Глава 2

– Что там за шум? – выглянула я из ванной.

– А, – отмахнулась Сонька, – папа спорит с охраной по поводу наших планов. – Я сказала ему, что мы собираемся на Бурбон-стрит, и началось!

– Ну, зачем, Сонь? Я же просто погулять хотела. Без вот этого всего! Послушать уличных музыкантов, заглянуть в какую-нибудь галерею. Наверняка Яну Львовичу совсем не до этого, а теперь он вроде как должен.

Сонька скривилась:

– Ты можешь представить, чтобы папа дела то, чего не хочет?

Я занервничала. Повела плечами, соглашаясь с тем, что такое сложно представить, и подошла к зеркалу. М-да... Красный, обгоревший до корочек нос явно не добавлял мне шарма. Я выдавила на пальцы крем и принялась втирать его в кожу:

– Все равно. Как-то неловко.

– Это еще почему?

– Не знаю. Может, он хотел провести время только с тобой, ты об этом не думала?

– Об этом – нет. В последнее время я задаюсь совершенно другими вопросами.

– Это какими же? – заинтересовалась я, собрала волосы

на макушке и повертела головой из стороны в сторону, прикидывая, как бы их уложить. Жарко было так, что умереть. И влажно, как всегда в Луизиане... Надеяться, что при такой влажности мои волосы останутся прямыми больше, чем на пять минут, не приходилось.

– Почему ты его избегаешь?

На секунду я замерла. Облизала губы и уронила руки вдоль тела, оставив в покое волосы.

– Кого?

– Не делай вид, будто не понимаешь!

Грациозной черной кошкой Сонька опустилась на кровать. Подперла кулачком щеку и уставилась на меня с легким прищуром. А у меня холодок по спине прошелся. Я совершенно не была готова к её допросу.

– Не понимаю, – соврала я.

– Ты избегаешь отца.

– С чего бы мне это делать?

– Понятия не имею. Но факт налицо.

– Не выдумывай. Я просто не хочу вам мешать. И только.

– Он тебя чем-то обидел? – допытывалась Сонька. – Я чего-то не знаю?

– С ума сошла?! – искренне возмутилась я. – Придумываешь тоже! Никто меня не обижал... Просто сама подумай, я ему кто?

Если мой вопрос и поставил Соньку в тупик, она не подала вида. Упрямо свела соболиные брови и со значением выдала:

– Ты – это ты.

– О, это, конечно же, все меняет! – фыркнула я.

– Мне не нравится, как ты себя принижаешь!

Прекрасно понимая, что Сонька теперь ни за что от меня не отстанет, я решила все для нее прояснить, чтобы уже раз и навсегда закрыть эту тему.

– Сонь! – сказала я, устроившись рядом с ней на кровати. – Я не принижаю себя. Нисколько. Но это все... – я взмахнула рукой, – твой мир. Не мой. И это твоя жизнь – не моя. Я не хочу брать на себя больше, чем смогу унести. Это ты понимаешь?

– Нет! Ты сейчас о деньгах? Так у тебя скоро не меньше будет! Осталось только папе пичнуть² твой стартап³, и...

– Соня! Мы ведь сто раз обсуждали это!

– Ну, обсуждали, – проямлила та, – и что?

– Только не говори, что ты проболталась! Я же просила! Ты ведь знаешь, как это для меня важно. – мой голос зазвенел от слез. Телом прокатилась волна мерзкой противной дрожи и замерла на кончиках пальцев.

– Эй! Эй! Ты чего? – изумилась Сонька, – ничего я ему не рассказывала, хотя ты прекрасно знаешь, что я не понимаю этого твоего загона... – она не договорила, обхватила мои руки чуть повыше локтей ладонями. Тряхнула меня легонь-

---

² Пичнуть – провести презентацию.

³ Стартап – это тип бизнеса, направленный на получение дохода путем реализации принципиально новой идеи.

ко, заглянула в глаза: – Да что с тобой такое?! – спросила тихо и очень серьезно.

Как объяснить девочке, которой никогда ничего и никому не приходилось доказывать то, как важно для меня... доказать. Что он не зря дал мне проклятые деньги на учебу. И что я... ну, ладно, если даже не ему под стать, то тоже чего-то стою? Что-то могу. Без помощи. Без протекции. Без связей.

– Я не хочу никаких привилегий.

– Это глупость!

– Почему же? Думаешь, наш проект не сможет привлечь его внимание?

– Я не понимаю, зачем все так усложнять! Протаскивать это через отдел инноваций и кучу идиотов, которым наверняка не хватит мозгов оценить то, что ты предлагаешь? Зачем? Ты хоть понимаешь, сколько им шлют предложений?! Да это затянется на месяцы, и неизвестно, в принципе, дойдет ли до отца. Все можно сделать гораздо проще! Привет, папа, у нас есть технология, которая сэкономит твоему бизнесу миллионы... К тому же мы просто не можем ждать! Нужно выходить на рынок, пока нас не опередил кто-то другой.

Я это все понимала! Понимала.

– Дай мне месяц. Если через месяц у меня ничего не выйдет, я позволю тебе все устроить.

Сонька не успела ответить, потому что в дверь постучали и, не дожидаясь ответа, вошли. И как-то сразу в просторной

шикарной каюте стало тесно. В детстве я была уверена, что Ян Львович – настоящий великан. Таким огромным он мне казался.

– Вы еще не готовы? У нас столик на семь заказан.

– Думаю, щедрые чаевые скрасят негативные впечатления от нашего опоздания, – заявила Соня, вскакивая с кровати.

– Правда? Ну, а главная зачинщица этой авантюры чего молчит?

Гейман слегка повернул голову и бесстрастно на меня уставился.

– Наверное, потому что впервые слышу о ресторане, – ответила я, с укором покосившись на подругу.

– Вот как? Похоже, я испортил все твои планы?

– Да не было никакого плана, Ян Львович, – запротестовала, стараясь держаться максимально естественно. Дышать, например. Ага.

– То есть, как это не было?! – изумилась Соня. – Мы хотели перекусить в какой-нибудь забегаловке на Роял-стрит, послушать музыку и проехаться на старинном трамвайчике. Только теперь, похоже, и впрямь все накрылось.

– Это еще почему?

– Потому что у нас образовался очень своеобразный помешанный на безопасности кавалер, – закатила глаза Сонька.

Гейман провел по короткостриженной макушке ладонью в таком знакомом и забытом одновременно с этим жесте, что

меня до костей пробрало. Накрыло воспоминаниями. Я будто вновь почувствовала под руками мягкость его волос, колкость щетины на шее. Весь тот ураган непонятных, сбивающих с толку своей остротой чувств, который однажды обрушился на меня всей своей мощью. Я зажмурилась, опасаясь, что он по глазам прочтет, о чем я думаю. Судорожно сглотнула. Ничего не слыша. Не понимая, почему Сонька радостно скачет.

– Ты слышишь?! Лилька! Ау-у-у! Папа дал добро! Ресторан отменяется! Мы идем гулять! Просто гулять, слышишь?

Я проямлила что-то невнятное. Вымученно улыбнулась, с трудом заставив себя посмотреть на Геймана. Ян Львович все так же стоял, подпирая спиной стену. И смотрел прямо на меня.

И тут я вдруг подумала, а что он видит? Да-да, что он видит? Маленькую девочку – дочь своей экономки? Неуклюжую подружку своей дочки? Или... девушку, которую он по нелепой случайности сделал женщиной?

А знаете, что самое смешное в этом всем? Ни до, ни долгое время после того, как это случилось, я не понимала, что толкнуло меня в его объятия. И не догадывалась, что то восхищение, которое я к нему испытывала, тот неприкрытый щенячий детский восторг и желание понравиться, в какой-то неуловимый момент переросли в чувство глубокой сокрушительной силы любви. Я так долго этого не осознавала. Понимание пришло позже. Гораздо позже. Впрочем, это было и к

лучшему. Ну, что я, та... могла ему дать? Чем удержать интерес такого сложного и невероятно умного мужчины? Если это не удавалось сделать гораздо более успешным и состоявшимся женщинам. Чем?!

– Ну, что ты молчишь?!

– Извини, я обдумываю кое-какую идею. – я обшарила взглядом каюту, схватила ноутбук. – Сейчас только запишу, и сразу едем!

– Ты ненормальная, знаешь? – захохотала Сонька.

Может быть. Но я просто не могла, когда он так близко, что нависает. Дышать им... и не вспоминать. Не могла.

Он – мог. В этом я не сомневалась.

– Даю вам десять минут! – обозначил расклад Ян Львович.

– Что ж... тогда пойду, потороплю Дэвида.

Когда мы, наконец, собрались, у трапа нас уже поджидала машина. Шикарный представительского класса Кадиллак. Мы забрались внутрь, Дэвид, очевидно побаивающийся Геймана, вызвался сесть вперед. Мы с Сонькой и Яном Львовичем устроились сзади. Я думала, с этим не будет проблем. В конце концов, салон авто на первый взгляд казался просто огромным. Чего я не учла, так это того, что и Гейман – мужик немаленький. Сидеть так близко к нему было еще мучительнее, чем стоять рядом в каюте. Я честно старалась его не касаться, но все равно задевала то голрой ногой, то рукой во время маневров.

– Что-то не так?

– Нет. Все в порядке. Не терпится уже выйти. – соврала я.

– Джек, становись где-нибудь здесь. – окликнул Гейман водителя, переходя на английский.

– Нет-нет, зачем? Что я, не дотерплю?! – с жаром возмутилась я, а Гейман в ответ посмотрел на меня так... снисходительно, что ли. И вышел первым, не дожидаясь, пока охранники сориентируются. Наша прогулка вообще выглядела довольно странно. Мы – истинные туристы, и мимикрирующая под «иже с ними» охрана.

Мы прошлись по красивым улочкам, залипая то тут, то там. Ни о чем толком не разговаривая, просто наслаждаясь моментом. Сонька с Дэвидом плелись впереди. Останавливались. Целовались, когда думали, что Гейман не видит. А тот все замечал. И недовольно поджимал губы. И я, наверное, тоже поджимала, чтобы не рассмеяться. Это было моим проклятьем. То, что я неосознанно, сама того не желая, перенимала его мимику и жесты. Сонька всегда хохотала над этой моей особенностью. А Ян Львович... даже интересно, замечал ли он? Наверное. Он вообще многое замечал.

Я чуть скосила взгляд. На его едва заметно покачивающиеся при ходьбе руки. Как это? Взять его за руку, переплести пальцы, чтобы почувствовать кончиками каждую выступающую вену на тыльной поверхности кисти? Чтобы ощутить подушечками шероховатость костяшек... Я закусила губу и отвернулась. А когда вновь посмотрела на Геймана, он смотрел на меня.

– Ноги болят, – опять соврала. – Может быть, где-то присядем послушать музыку?

– Почему нет? Мы же здесь для этого... вроде.

Я улыбнулась. Окликнула Соньку и качнула головой в сторону одного из рестораничек, на эстраде которого пела огромная негритянка в шикарном обтягивающем, сплошь расшитом блестками платье. Хорошо пела. Я даже зажмурилась. О том, что джаз – это исключительно живое пение, и никакая оцифрованная запись и близко с ним не сравнится, я узнала тоже от Геймана. Таких моментов, моментов, когда он обращал на меня внимание, в моем детстве было не так уж и много. Но я помню каждый. Каждый...

В скором времени к нам подоспел официант. Мы сделали заказ. И я снова сосредоточила взгляд на сцене.

– Не знал, что тебе нравится джаз, – перекрикивая голос негритянки, прокричал Дэвид.

– Шутишь? Да я сейчас бы оба уха обменяла на бокальчик розе. Это всё эти двое.

Я открыла глаза, чтобы что-то ответить Соньке. Но запнулась, увязнув в янтарной смоле его глаз. Гейман сидел, вольготно откинувшись в кресле. Тяжелые веки почти закрывали его глаза, отчего взгляд казался еще более проникновенным.

– Отпустим их, чтобы не мучились? – вскинул черную бровь.

– Что, правда?! Папочка, ты просто супер!

Я пролепетала что-то невнятное про трамвайчик и другие

наши с Сонькой планы, отчего-то страхась остаться с Гейманом наедине, но меня уже никто не слушал.

– Возвращайтесь сюда через час. Игорь все проконтролирует, – скомандовал дочке Ян Львович, одновременно с этим отдавая взглядом приказ одному из охранников сопроводить парочку. Они ушли как-то неожиданно быстро. Как раз принесли бокалы, я вцепилась в один из них, ужасно нервничая, чтобы чем-то занять руки. Отпила... закашлялась, потому что коктейль оказался необычайно крепкий. Вытерла остатки рома с губ, вспомнив, чем дело закончилось, когда мы в последний раз пили с Гейманом, подняла взгляд и поняла, что он тоже этого не забыл.

Глава 3

За ней было любопытно наблюдать. Даже, может быть, больше, чем за негритяжкой на сцене. Особенно, когда Лиля ненадолго забывала о моем присутствии и расслаблялась. Это очень бросалось в глаза. Когда она забывала. По выражению лица, по вмиг меняющейся пластике, которая вдруг приобретала какую-то неуловимую эфемерную сексуальность. Легкие движения плеч в такт музыке. Покачивания головой... И то, как она замирала, закусив губу, когда начиналась особенно сложная импровизация. Эта девочка пропускала джаз не только через уши, но и через тело. Как я её когда-то учил.

Будто почувствовав мой взгляд, Лиля встрепенулась и вновь настороженно на меня уставилась:

– Еще коктейль?

– Нет. Нет, спасибо, Ян Львович. Мне уже хватит.

– А я, пожалуй, повторю.

Сделав знак официанту, я попытался сосредоточиться на музыке, но почему-то в этот раз даже великолепный соул не смог пробиться сквозь стрекот мыслей в моей голове.

Я не помню, когда впервые по-настоящему увидел Лильку. Хотя знал, что у моей экономки есть дочь, и даже много раз видел ее то сидящей на лестнице, ведущей на чердак, то играющей с Сонькой. Видел... и тут же об этом забывал.

Настолько это было неважно на фоне тех глобальных вопросов, что мне приходилось решать. Мой мозг был под завязку загружен, и в принципе не фиксировал внимание на событиях, не имеющих отношения к семье или делу. Случившись, они моментально отходили на второй план и тут же забывались за ненужностью. Существовало не так уж много людей, которых я замечал на самом деле. Прислуга и её дети в этом списке не числились. Не потому, что я какой-то плохой. Просто на том уровне, где я находился, это было неизбежно. Я физически не мог думать еще и об этом. Даже самый мощный компьютер не выдержал бы такого потока информации, что мне доводилось анализировать каждый божий день в силу тех позиций, что я занимал в сфере большого бизнеса. И тут нужно было очень тщательно фильтровать эту самую информацию. Ведь на самом деле напряжение, в котором я жил, было колоссальным. Расслабить меня могли лишь секс, спорт и... музыка.

Врываясь в мои воспоминания, в кармане зазвонил телефон. Я поморщился, но все же вынул трубку. Покосился на дисплей и, бросив Лиле короткое:

– Извини. Важный звонок, – встал из-за стола.

Звонил один из моих китайских партнеров. Нам всего-то и надо было перекинуться парой фраз, но языковой барьер... что б его. Мой китайский был просто ужасным, а китайский, искаженный прерывающейся связью – ужасный вдвойне. А Жонг только им и владел. Я чертыхнулся. Сунул руку в кар-

ман и хотел уж было перевести звонок в офис, когда за моей спиной раздался неуверенный голос:

– Ян Львович...

– Да?

– Я могла бы выступить в качестве переводчика.

Она говорила тихо. И смотрела прямо на меня, такая напряженная, что казалось, ткни пальцем, и разлетится на части, как драгоценная китайская статуэтка. С чего вдруг такая реакция? Опять себе напридумывала то, чего нет и близко?

– Жонг, подожди... Я сейчас передам трубку своей помощнице.

В этой жизни меня мало что могло удивить так, как это сделала Лиля, заговорив на чистейшем китайском. Это было моей самой большей проблемой. Когда ты можешь позволить себе все, вот вообще все, что угодно: любые удовольствия, любой каприз из тех, что можно купить за деньги, в какой-то момент просто не остается того, чего бы ты еще не пробовал; мест, в которых бы ты еще не бывал; эмоций, которых бы ты еще не испытывал. И от этого складывалось гадкое ощущение, что я напрочь разучился ловить кайф от жизни.

– Господин Жонг говорит о том, что вы были правы, когда прогнозировали восстановление спроса...

Я кивнул. Что-то прокомментировал. Хотя сам уже утратил к этому разговору всякий интерес.

– Значит, китайский. – прокомментировал я, когда Лиля вернула мне трубку. Та пожала плечами, будто в этом ничего

такого не было, да, а потом, завидев в толпе Соньку с Дэвидом, взмахнул вытянутой над головой рукой, чтобы привлечь их внимание. От этого движения ее маленькие острые груди отчетливо обозначились под легкой тканью летнего сарафана, направляя мои мысли совсем уж не туда.

– Ну что, вам еще не надоела музыка? – усмехнулась Сонька, пробравшись к нам.

– Боюсь, я вообще не дал Лиле ей насладиться.

Мой взгляд остановился на загнутой ручище парня, лежащей на талии дочери. Нет, умом я понимал, что она уже давно выросла, но вряд ли был готов к этому по-настоящему.

– О! Опять телефон?! А я говорила – оставляй его дома! И кому ты понадобился на этот раз?

– Китайцам. – отрапортовал, возвращаясь за стол. – Между прочим, вы с Лилей могли и сказать, что она на нем, как на своем родном строчит.

Сонька захохотала:

– Сюрприз-сюрприз! Правда, здорово? Теперь она сможет с тобой попрактиковаться, когда мы вернемся домой. Да, Лиль? – ткнула подругу в бок.

– Эм... Да, наверное.

– Нет, ну, а что? Например, за завтраком.

– Кхм. – замялась Лиля. – Боюсь, за завтраком как раз и не получится.

– Это еще почему? – изумилась Сонька. – Это я – сова, а ты – жаворонок, как папа. Вот и беседуйте на китайском,

когда меня нет! Правда, Дэвид? – перешла на английский, как если бы он до этого хоть что-нибудь понял из нашего разговора. Впрочем, плевать мне было на этого молокососа, гораздо интереснее наблюдать за странной реакцией Лили. И вообще за ней. Она очень изменилась за то время, что мы не виделись. И не только внешне.

– Потому что я планирую вернуться домой.

– Разве я не об этом же говорю? – удивленно вскинула брови Сонька.

– К себе домой, – уточнила Лили, прячась за бокалом. Куда она клонит, лично я понял сразу. А вот Сонька как-то не по-детски тупила.

– Что значит – к себе? – переспросила она, недоуменно нахмурившись.

– То и значит.

– В ту конуру на Лесном? Ты спятила?!

– София! – одернул я дочь.

– А что я такого сказала?! Ты... ты вообще, когда там в последний раз была? Вдруг там уже и нет той квартиры! Может, в ней вообще какие-то бомжи поселились, а?!

– Как поселились – так и выселятся, – философски отнеслась к потенциальной проблеме Лили.

– Да что ты несешь?! Пап! Скажи ей!

Что я мог сказать? У Лили действительно была своя, доставшаяся ей по наследству квартира. И хоть большую часть Лилькиной жизни они с матерью провели в моем доме, те-

перь для неё, наверное, было бы лучше пожить отдельно. Тем более что Соня зря волновалась. Никакие бомжи в квартире ее обожаемой подружки не жили. Потому что я поручил ее сдать сразу после того, как эти двое перебрались в Америку.

– Сонь, прекрати. Мне не пять лет, и все решения относительно моей дальнейшей жизни я могу и буду принимать самостоятельно!

Соня принялась что-то возмущенно доказывать, ничего не понимающий Дэвид притих, а я закусил изнутри щеку, чтобы не улыбнуться и не обидеть тем самым Лилю. Не пять лет ей, видите ли. Выросла. А я почему-то вновь вернулся на годы назад, когда ей было... ну, может, не пять. Чуть больше.

Это было время, когда я всерьез подумывал жениться во второй раз, и принялся ухаживать за дочкой какой-то важной шишки, лица которой теперь и не вспомнил бы, даже если бы очень захотел. Ну, как ухаживать? Времени на это все у меня особенно не было. Да и энтузиазма. Так что ухаживания ограничивались редкими походами в ресторан или на какой-нибудь светский раут. И, конечно, дорогостоящими подарками. А в тот день дернул меня черт пригласить будущую невесту на джазовый концерт. И это была ошибка. Ей совершенно не понравилось. А мне не понравилась ее реакция. Сам я обожал джаз и, наверное, очень хотел обнаружить между нами хоть что-то общее. Но не срослось. Я проводил барышню домой и ушел, отказавшись даже от предложения зайти, которое понятно чем бы закончилось. Разочарован-

ный. И собой, и ей, и тем, что впустую потерял столько времени. Понимая, что ни черта у нас с ней не выйдет, сколько бы я себя ни обманывал. Зашел в кабинет, чтобы налить себе выпить, да так и замер в дверях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.